

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

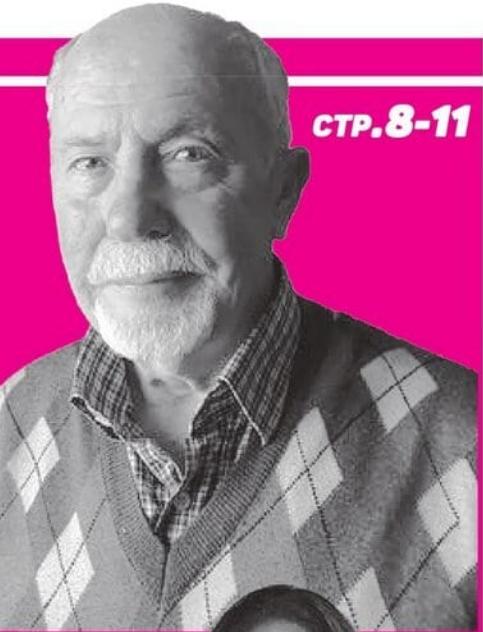

СТР.14-16

ГЕОРГИЙ ЮМАТОВ, КИНО, ОДЕССА...

ЧЕЛОВЕК ТЕАТРА

СТР.8-11

№40 (121)
ОКТЯБРЬ 2022

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ
1979 - 1989

ДВЕНАДЦАТЬ ПОРАЖЕНИЙ ИМПЕРИИ

СТР.6-7

ЖАКЕТ или ЖЕНСКИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ ПИДЖАК

СТР.17

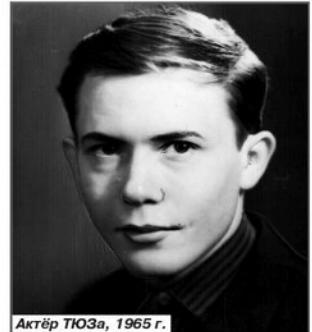
ЧЕЛОВЕК ТЕАТРА

Он вступил в Союз писателей Северной Америки совсем недавно. Но уже успел проявить себя. Актёр, режиссёр, драматург, поэт, переводчик и просто очень интересный человек из Грузии — Анатолий Лобов.

Гном Воскресенье, 1965 г.

Сцена из спектакля «Пузырьки», 1966 г.

Актёр ТЮЗа, 1965 г.

Геннадий Норд

— Знаю, что ваш отец родом из Ставрополя. А как ваша семья оказалась в Тбилиси?

— Мой отец Иван Павлович, действительно, родом из станицы Ново-Александровской Ставропольского края. Во время великого голода 1920-х годов попался на заработки на Кавказ и добрался до небольшого азербайджанского города Закаталы, где устроился техником-связистом на местном радиоузе.

— А мама?

— Мама Дарья Фёдоровна, родилась в селе Либедин Харьковской области в семье лесничего. Разразившийся в стране Голодомор согнал с родных мест множество отчаявшихся селян в поисках пропитания. Часть их семьи добралась до Азербайджана. Так мама тоже оказалась в городе Закаталы. Молодая, энергичная дочка лесничего устроилась на работу в совхоз.

— Там и встретились ваши родители?

— Да. Познакомились, влюбились,оженились, родили девочку. А вскоре на местном радиоузе по городской трансляции пустили речь какого-то «троцкиста». Во всём обвинили линейного техника-связиста. Мол, не отключил вовремя вредное выступление. И загремел мой папа по статье в Казахстан, в Караганду. Но началась война, и Иван Лобов попал на фронт. С боями дошёл до венгерского города Секешфехервар. При освобождении города был контужен, награждён медалью «За отвагу» и комиссован.

А предпринимала Дарья, чтобы прокормить dochку и семью сестры, стала собирать греческие орехи, росшие в лесах вокруг Закаталы и возить на продажу в соседнюю Грузию, в город Тбилиси, «Тбилиси», как она его называла.

— Папа вернулся с войны...

— А вот тогда мама свозила его в Тбилиси. Город ему понравился. Скопив денег, они купили небольшой участок с заложенным фундаментом и построили дом. Там 30 декабря 1946 года у них родился мальчик. Назвали Толиком. Это было я.

— Тбилиси замечательный город, пропитанный духом поэзии.

— Дом наш стоял на улице, примыкавшей к реке Кури. Из окон был виден противоположный берег, с прекрасным парком со странным названием «Муштад». Там звали перса — бывшего владельца городского «веселительного сада». Оттуда, из-за реки, по воскресеньям доносила музыка: «Домино, домино, это счастье случится в окно...» А над купами деревьев возвышалась ажурная металлическая вышка. Из крон деревьев время от времени взлетали похожие на цветок выноска, остроконечный шёлковый парашют и, долетев до перекладины, вздувался белым куполом и снова опадал, превращаясь в цветок выноска. А потом купол вдруг снова раздувался, и под ним болталась чёрная фигурка человечка. И всё это плавно скрывалось в кронах деревьев, чтобы через несколько минут вся картина повторилась.

Ещё на той стороне, прямо над водой, на бетонных сваях стояло полукруглое здание ресторана «Над Кури», откуда к нам доносилось слаженное пение с грузинских застолий. А подальше, за парком, жёлтые стены с полукруглыми арками — стадион «Динамо», и до нас чистенько долетал неистовый рёв трибун.

— Очень поэтично. А потом была школа?

— Благодаря тому, что моя старшая сестра позволяла разглядывать её ученики, я рано стал постигать грамоту. Вначале переписывал угольком на белой стенке печи печатные буквы, а потом довольно быстро научился читать. К шести годам созрел для школы, но меня не принимали — тогда в школу брали с семи лет. Я плакал, просился в школу.

Оказалось, что на нашей улице жил директор грузинской школы. Мама сводила меня к нему. Он достал из полки томик сочинений Сталина на русском. Я бойко начал читать, не совсем понимая, но слова были знакомы по радиотрансляции, которая никогда не выключалась. Директору понравилось, и он составил мимо протекцию директору русской школы, которая находилась в одном здании с грузинской. Меня приняли! Родители купили мне школьную форму. Это был стального цвета суконный китель со стоячим воротником с белым кантиком, блестящими пуговицами и чёрным кожаным ремнём с бляхой, на которой выпукло значилось — «5 мужская железнодорожная школа». И была еще фуфаха с белым кантиком, стальным обручем внутри и кокардой с большой птицей в обрамлении дубовых листьев.

— В русских школах в Тбилиси учились многие, ставшие потом знаменитыми людьми.

— Ну да, Тбилиси издревле способствовал раскрытию талантов, данных людям от рождения. Я учился в одном классе с талантливым журналистом Тенгизом Султанчикиви, работавшим впоследствии на радио «Свобода» и бравшим интервью у известнейших мировых лидеров. Вроде бы случайно я попал именно в эту школу, но тот случай, как и многое впоследствии в моей жизни,оказался поистине судьбоносным!

— Расскажите.

— Родители часто покупали мне детские книжки из серии «Мои первые книжки» и «Книжка за книжкой», откуда я заучивал наизусть понравившиеся мне стихотворения и, когда приходили гости, а они приходили часто, я с удовольствием декламировал стихи Самуила Маршака, Агниса Барто, Сергея Михалкова, Николая Некрасова и многих других. Гостей это забавляло, а мне нравилось их внимание, реакция, аплодисменты.

А ещё мне нравилось рассматривать учебники моей сестры Аси, старшеклассницы. Помню толстый учебник «Литература народов СССР». Там портреты поэтов и писателей были изображены графически, не фотографиями. Мне нравился Джамбул Джабаев в меховом головном уборе. Нравилось волевое лицо Владимира Маяковского. Почему-то побаивался Степана Шилпачёва и старался быстро перелистнуть страницу его портретом, опасаясь, что раз Шилпачёв, так обязательно будет щипать, как гусь. Но, тем не менее, знакомство с советскими поэтами и писателями расширило мой тогдашний чтецкий репертуар. Не говорю о классиках — Некрасове, Тютчеве, Пушкине.

Это сыграло свою роль! Когда в школе готовился литературный вечер по Некрасову, мне поручили роль в сценке «Мужик с ноготком». Старшеклассник изображал самого автора, Некрасова. Портретное сходство со знаменитым поэтом было удивительным. И костюм, взятый напрокат в Театре юного зрителя,

соответствовал эпохе. Мне, крошечному первоклашке, подобрали туалупчик, подпоясали. На голове была моя шапка из белого меха, на ногах валенки. За собой я таскал мои же санки с ветками, изображавшими «хвосту вол».

Объявили номер, вышел «автор», потом, на нужную релику, я выкатил свои санки. И, на приветствие «Некрасова»: «Здорово, парнище!» с такой ненавистью гаркнул: «Ступай себе мимо!», что «автор», а с ним и весь зрительный зал, вздрогнули! А дальше пошло-поехало...

Когда то окончанию сцены зал взорвался аплодисментами, судьба моя была предрешена. Я сполна вкусили сладкий яд зрительского признания и последовавшей за этим славы в масштабах нашей маленькой, но очень уютной и интеллигентной школы.

— И потом вы старались со сценой не расставаться?

— А потом были многочисленные школьные концерты, вечера. Участие в республиканской олимпиаде детского творчества. Летом пионерские лагеря тоже с обязательными концертами, в которых я непременно читал стихи. Будучи второклассником, декламировал «Стихи о советском паспорте». Был неизменным участником школьного театра кукол, играл в различных сценках, которые назывались «скетчи».

— В то время в Тбилиси почти в каждом дворе что-то происходило.

— На каждой улице, почти в каждом обшем дворе устраивались «фестивали». Двор украшался флагами, дети придумывали самые причудливые костюмы и готовились к выступлению.

— И вы старались во всем этом участвовать?

— Всё это подтолкнуло меня к поискам драмкружка. При русском Театре юного зрителя был такой кружок. Руководил им актёр театра. Он усаживал нас в полукруг и вёл долгие беседы об искусстве театра, об актёрском мастерстве, явно упиваясь собственным голосом. Было завораживающее, но непонятно. А вскоре стало неинтересно.

— И это отбило охоту?

— Наоборот. Хотелось играть роли. Увидев, что я скучаю, ко мне подседа девочка и сказала, что знает драмкружок, где интересно. И повела меня в самодеятельный театральный коллектив при тбилисском Доме офицеров. Руководил им студент режиссёрского факультета театрального института.

— И сразу дал вам роль?

— Не поверите! Там я сразу получил роль Феди Дранкина в спектакле «Друг мой, Колька!» по пьесе Александра Хмелика. Это были настоящие репетиции. Молодой режиссёр учил нас тому, чему его самого учили на занятиях по режиссуре. Я стал получать роли во «взрослых» спектаклях. А во время зимних каникул мы ежедневно играли какую-нибудь сказку после ёлочной массовки. В спектакле «Белоснежка и семь гномов» я играл гнома Воскресенье.

— Кроме театра вы еще увлекались и парашютным спортом?

— Навязано это было серьезным увлечением немысли, но опыт прыжка с парашютом у меня был.

В одиннадцатом классе, в сентябре, увидел вывесенный в школьном коридоре плакат, на котором был изображен купол парашюта и написано: «Вместе с белым куполом раскроются сила, смелость, мужество твой!» и адрес школы ДОСААФ. Я пошёл туда, и после нескольких теоретических занятий и практикума по укладке парашюта был назначен день первого прыжка.

Ранним воскресным утром нас повезли на стареньком автобусе на учебный аэродром, в час езды от города. За нами на грузовике привезли уложенные накануне парашюты.

Надели их, подогнали лямки, инструкторы всё проверили, построили нас и объявили посадку в маленький самолётик «кукурузник». Там расселились вдоль бортов, пристегнувшись карабинами к тропсю, и «кукурузник», почти как старенький автобус, соскочил все выбоины на грунтовой полосе, взлетел! Потом замигала лампочка, противно закрякала сирена, и инструктор открыл дверь. Ворвался шум ветра и каждый, по очереди, подходил к проёму двери и вываливался наружу. По-

«Красные дьяволята», 1967 г.

Терри — А.Лобов, мать — Народная артистка Грузии Е. Агаларова, «Банда Менгена», 1967 г.

Суперзанавес спектакля «Ханума», художник Георгий Алекси-Месхишивили

дошла моя очередь. Как учили, сложил руки на груди и подошёл к порогу. Глянул вниз — там пустота! Пропасть! И в эту пропасть надо просто упасть... В голове промелькнуло: «Зачем?..» Но инструктор чуть-чуть подтолкнул, и я вывалился в эту прозрачную бездну!

В воздухе меня слегка крутануло и я, падая, увидел хвост улетающего самолёта. Потом раздался хлопок, резко встрихнуло, и наступила изумительная тишина. Поднял голову — надо мной красивый белый купол. А сам я вишу себе на удобных лямках. Но, по инструкции, после осмотра купола, надо подтянуться и сесть. Сел. Тишина. Вниз видны фигуры людей на аэродроме и, довольно чётко, доносятся их голоса. Держась за стропы, развернулся, чтобы лететь лицом вперёд.

— Запомнилось ощущение полёта?

— Божественное ощущение плавного полёта! Но недолго! Заметил, что земля стала как-то стремительно приближаться. Сложил ноги и приготовился к приземлению. Земля просто стала набегать на встречу! Это уже не полёт, а элементарное падение... Удар о землю, устоял на ногах, но парашют потянулся вперёд и я, как был на полусогнутых, так и ткнулся носом в землю. Парашют, коснувшись земли, обмяк. Вскочив на ноги, я отстегнул лямки, шмыгая носом. Потрогал нос — немного крови — это, когда ткнулся носом в землю. Боевое крещение!

— Были еще прыжки?

— На следующее воскресенье снова назначили прыжки. Но между двумя воскресеньями в школе вывесили листок с напечатанным объявлением о дополнительном наборе в профессиональную театральную студию вско при том же ПЮЗе. Руководитель студии — известный в городе режиссёр. Я созрел для такой студии. Прошёл отборочные экзамены и был зачислен на второй курс двухгодичной актёрской студии.

— А как же школа?

— Расписание было построено таким образом, что я вполне мог учиться в школе, а во второй половине дня начинались студийные занятия. А по воскресеньям — почти весь день.

— Так второй раз прыгнули или нет?

— На второй прыжок я поехал, прыгнул, но на большее уже не хватало времени.

— Полностью занялись театром?

— Занятия были очень интересными, отвлекаться от них не хотелось. Уроки проводили молодые тогда преподаватели театрального института, и относились к этому с полной отдачей. Думал ли я тогда, что в будущем они станут моими преподавателями на режиссёрском факультете, а впоследствии и коллегами, и друзьями?

Окончание на с. 10

После премьеры «Ханумы». В центре Сона Мурадова, Дмитрий Алексидзе, слева — Юрий Зарецкий, Георгий Алекси-Месхишивили

Окончание. Начало на с.9

— По себе знаю, что театр забирает все время, если в нем живешь по-настоящему. Но школа, школа?

— Когда два студийных спектакля включили в репертуар театра, школу иногда приходилось пропускать ради утренних спектаклей. Но в театре мне выдавали такие серьёзные справки для школы, что там просто не могли не идти мне навстречу, справедливо полагая, что театр — мое призвание. С полной уверенностью могу сказать, что «Я — родом из школы».

Там состоялись мои первые сценические успехи. Там, благодаря стараниям учительницы по литературе, я принял участие в работе литературного кружка, писал свои первые, наивные школьные стихи.

Когда учился в восьмом классе, в феврале, в наш класс пришла новая девочка с красивыми зелёными глазами. Она стала моей единственной любовью, и мы с ней прожили в любви и согласии 51 год, вырастив троих детей.

— После окончания студии вас приглашали в театр?

— Одновременно с окончанием одиннадцатого класса, состоялся выпуск из театральной студии, и, с 1 июля 1965 года я был зачислен в штат тбилисского государственного русского Театра юного зрителя в качестве актёра-развивика. Ролями обойдён не был — по моим внешним данным в каждом спектакле при пионерах или в сказках мне всегда было кого играть. Для повышения образования поступил на вечернее отделение филологического факультета Государственного университета.

— Долго служили в Тбилисском ТЮЗе?

— Три года. В 1968 году получил приглашение в труппу Рязанского театра юного зрителя. Там во времена главным режиссёром там работал Борис Наравцевич. Он пригласил в Рязань выпускников Ленинградского актёрского курса Зиновия Корогодского.

— Как тесен мир! С Зиновием Яковлевичем Корогодским связан большой пласт моей жизни. Вероятно, Наравцевич многому вас научил?

— Сам Наравцевич регулярно ездил в Москву на занятия экспериментальной лаборатории режиссёров под руководством ученицы Станиславского Марии Иосифовны Кнебель. В лаборатории углубленно изучался метод действенного анализа пьесы, открытый Станиславским в последние годы его жизни. И его ученица развивала и передавала его творческое наследие молодым режиссёрам. Получив в лаборатории творческие задания, режиссёры в своих театрах на практике реализовывали

этот прогрессивный метод. Затем проходили выездные занятия лаборатории на местах, где подробно разбирались спектакли, поставленные с нами, молодыми актёрами. Впоследствии, будучи сам преподавателем мастерства актёра в Тбилиси, я применял метод действенного анализа, знакомый мне не по учебникам, а на практике.

— Как развивались события дальше?

— Женившись на любимой однокласснице, увёз её в Рязань. Учёбу продлили на заочном отделении Рязанского пединститута. Прослужив в Рязанском ТЮЗе пять лет, сыграв много ролей в интереснейших спектаклях, получил предложение вернуться в Тбилиси, во второй отстроенный театр, с новыми, интересными творческими перспективами. Дириектора театра, приглашая меня, заверила, что она будет приглашать на постановки лучших режиссёров ведущих театров юного зрителя страны. Назывались такие культовые фамилии, как Юрий Киселёв, Адольф Шапиро, Павел Хомский, Лев Белов. Ну, как было не принять такое заманчивое предложение! Принял предложение и с 1973 года продолжил актёрскую карьеру уже в Тбилисском театре для детей и молодёжи имени Нодара Думбадзе.

— Дириектора слово сдержала?

— Да. Ирина Гоциридзе сдержала слово, и мне довелось поработать со многими интереснейшими режиссёрами. А спектакль «Бумбараши в постановке тогдашнего главного режиссёра Адольфа Шапиро стал творческим событием республиканского масштаба. Мне в этом спектакле посчастливилось сыграть роль Яшки — террориста деревенского масштаба. Театр приглашали на гастроли в крупные города Союза. Мне ни разу не пришлось пожалеть о своём ответе

на творческое приглашение вернуться в родной театр.

— Вы же получили еще и режиссерское образование?

— В 1977 году я поступила на дневное отделение режиссёрского факультета Грузинского государственного университета театра и кино имени Шота Руставели. Когда я сдавала вступительные экзамены на режиссёрский курс к Дмитрию Александровичу Алексидзе, в приёмной комиссии сидели все те педагоги, которые в свое время преподавали в актёрской студии при ТЮЗе. На момент поступления мне было тридцать лет и у меня уже было двое детей. «Кому, как не тебе учиться режиссуре» — сказала ректор института Этери Николаевна Гугушвили, театровед, которая присутствовала на всех театральных премьерах и писала в местной прессе статьи о спектаклях, в которых я играла порой главные роли.

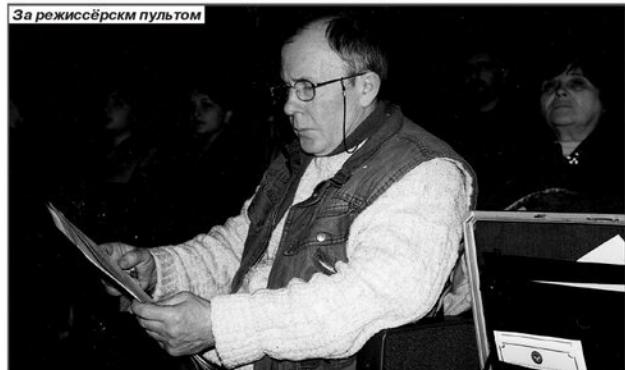
— Как умудрялись связывать работу и учёбу?

— С сентября начались лекции в институте, а в театре начался новый сезон. Я занята в репертуаре театра, и заменить меня, на тот момент, было некем. И в театре, и в институте мне шли навстречу, и приходилось перебегать порой с проспекта Руставели, где находился институт, вниз, через мост, на проспект Пханавана, где находился театр, чтобы отыграть дневной детский спектакль. Ещё и умудряясь учиться отлично, заслужив повышенную стипендию, что было весьма кстати в нашем скромном семейном бюджете.

— Представляю, какая была закрутика!

— Да. Четыре года учёбы взахлёб, одновременно с работой актёром в ТЮЗе. Да еще время от времени выпадали киносъёмки, приглашения на радио, но и, конечно, в новогодние дни — Дед Мороз на ёлочких.

За режиссёрским пультом

К моменту окончания режиссёрского факультета мне было 35 лет. На последнем курсе мне предложили попробовать себя в педагогике, в качестве ассистента руководителя актёрского курса. Получилось.

— Где ставили дипломный спектакль?

— Мой руководитель курса, с которым у нас к тому времени сложились очень уважительные отношения, предложил мне ехать в Ашхабад, в Туркменский Академический театр драмы имени Молланепеса на постановку спектакля «Ханума». В то время в Союзе проводился фестиваль национальной драматургии. Каждый театр должен был пригласить режиссёра из какой-нибудь союзной республики на постановку национальной пьесы.

В Ашхабаде решили, что пригласят режиссёра из Тбилиси, для постановки «Ханумы», потому что об этой роли давно мечтала народная артистка Туркмении Сона Мурадова. И приглашение послали Додо Алексидзе, который был лично знаком с Соной. Но Дмитрий Алексидзе уже был приглашён в Киев, на постановку юбилейного спектакля «Камень Руисина». Вот он и «сосватал» меня в Ашхабад! По его рекомендации я получил приглашение на постановку.

— Но у вас же еще диплом не было...

— На мои сомнения и возражения, что у меня ещё и диплома-то нет, Додо ответил, что диплом никто не попросит предъявлять, что ты уже не мальчик, поезжай и поставь «Хануму». А я буду руководителем постановки и на выпускной период прилечу в Ашхабад и приму спектакль уже для института.

— Авантуря чистейшей воды!

— Это точно! Разговор этот происходил в кабинете Додо Алексидзе. Он в ту пору был председателем Республиканского Союза театральных деятелей. Дверь в кабинет открылась, и вошёл бородатый человек в чёрном кожаном пиджаке и кожаной кепке. Это был Сергей Параджанов! Они с Додо радушно поздоровались, и Додо представил меня Параджанову.

— Вот, познакомься, это Лобов, мой студент. Я ему предлагаю ехать в Ашхабад, ставить «Хануму» с легендарной Соной Мурадовой в Туркменском академическом театре драмы им. Молланепеса на туркменском языке. Понимаешь? А он сомневается!

Сергей Параджанов отступил на шаг, всплеснул руками и воскликнул: — Додо, твой ученик оғигел! Ему предлагают счастье, а он сомневается?

И наговорил ещё кучу нелестного в мой адрес.

— Пришло соглашаться?

— После такого бурного напора, конечно, пришлось согласиться. Дмитрий Александрович тут же позвонил вниз, в ресторан. Вскоре появилась официантка с подносом, на котором стояла бутылка шампанского и три бокала. Открыли шампанское, разлили по бокалам и «обмыли» мою будущую премьеру.

Потом Сергей Иосифович воскликнул: «На счастье!» и картино хрипнул бокал об пол. Додо воскликнул: «За успех!» и тоже с размаху разбил об пол свой бокал. Я повторить их гусарский жест не решился, но тайком подобрал осколок бокала с целой ножкой, из которого пил Параджанов и спрятал в карман. Этот обломок бокала храни до сих пор, как ценную реликвию...

— А еще общались с Параджановым?

— Да. Параджанов пригласил меня к себе домой, чтобы рассказать о Хануме и о старом Тифлисе. Договорились о встрече, и в назначенный день я пришёл в его знаменитую квартиру в старинном районе на улочке Коте Месхи. Сейчас эта улица носит имя Сергея Параджанова. Он показал мне свои коллажи, раскладки к кинофильмам, много разных антикварных предметов тифлисского быта. О Хануме, в частности, рассказал, что «она была реальной свахой, жила в общем дворе на Авlabаре. У неё были вставные золотые зубы. На ночь она их снимала и чтобы соседи-курды эти зубы не «скомунииздили». Ханума прятала их, куда бы ты думал? Да, да, именно туда...»

— Поехали в Ашхабад и...?

— Приехал. Меня представляют будущей исполнительница роли Ханумы — Сона Мурадовой. Она улыбается, и я вижу полный рот золотых зубов! И тут же вспомнил Параджанова.

Позже, когда мы с Соной Мурадовой подружились, я ей рассказал эту историю. Она хохотала от души, но, конечно, в спектакле мы использовать такую характерную деталь не решились. Хотя некоторые советы Параджанова приго-

дились. В частности, он рассказал об обычаях женщин Тифлиса носить какие-либо предметы на голове, чтобы были свободны руки. Да и походка от этого становилась плавной и величественной.

— Что запомнилось в процессе постановки спектакля?

— Особенно запомнился процесс работы с постановочной группой из Тбилиси. В спектакле звучала музыка композитора Гии Канчели. Он снабдил меня нескользкими бобинами с музыкальным материалом на выбор. Художником спектакля был Гоги Алекси-Месхишивили, изумительно красиво оформивший пространство сцены и научивший туркменских мастеров шить грузинские национальные костюмы. А хореограф постановщику Юрию Александровичу Зарецкому туркменские актёры говорили, что они не смогут научиться грузинским танцам. Дескать, туркмены вообще не танцующая нация. Петь — пожалуйста. А танцевать, мол, не в туркменской традиции. Они не знали Зарецкого! Видели бы вы, как туркменские юноши и девушки выпиливали на сцену в грузинских одеждах, и как темпераментно исполняли танец «Кинтари» под мелодию в обращении Гии Канчели.

Репетиции проходили в просторном репетиционном зале с огромными окнами. В апреле в Ашхабаде уже жарко, и окна были открыты. И вот в окно влетела горлица, которых на улицах Ашхабада было много. Актёры осторожно выпроводили птицу и рассказали, что эти птицы в Туркмении почитаемы, как приносящие счастье. Я подобрал пёрышко, упавшее с горлицы и вложил в свою записную книжку.

— Перышко принесло счастье?

— Вскоре мне на несколько дней пришлось полететь в Киев по институтскому заданию, и там я встретился с Дмитрием Александровичем, которыйставил спектакль. В его номере гостиницы «Днепр» мы распланировали его приезд в Ашхабад. И я забыл у него на столе записную

книжку. Я позвонил ему из своей гостиницы, и мы договорились встретиться наутро. Дмитрий Александрович попросил проводить его к театру, где у него была назначена репетиция. Вручая мне записную книжку, он спросил про пёрышко. Рассказал ему о священной птице горлице, залетевшей в зал. Я провёл Додо в его кабинет в Театре Ивана Франко, и мы попрощались. Иду по овальному театральному коридору к выходу. Вдруг слышу — Додо окликает меня:

— Толя, та птица, что залетела к тебе на репетицию — это был я! Проверял, как ты репетируешь!

— «Хануму» поставили, диплом защитили...

— Был принят в театральный институт в качестве ассистента на кафедру мастерства актёра. При кафедре было отделение национальных студий. Первыми моими студентами стали ребята и девушки из Абхазии, для Сухумского Абхазского театра им. С. Чанба. До сих пор некоторые из них служат в этом театре.

Потом у меня учились дагестанцы, русские, осетины и грузинские группы. Параллельно работал в Театре для детей и юношества имени Нодара Думбадзе — так стали называться родной ТЮЗ. Там ставил спектакли, продолжая играть на сцене. В театральном институте, который стал Университетом театра и кино, избирался заместителем декана актёрского факультета.

— Несколько лет вы жили в Питере...

— В 1993 году, взявшись в театральном университете академический отпуск, поехал по приглашению в Санкт-Петербург в «Белый Театр» режиссёром спектаклей для детей. Это был гастрольный театр, с которым, за три сезона объездил половину России. В 1997 году вернулся в родной театр и одновременно продолжил академическую карьеру в качестве преподавателя, затем доцента, затем профессора на кафедре мастерства актёра. Опять был избран заместителем декана. В театре ставил спектакли для

детей, иногда выезжал на постановки в другие города.

— Начала писать пьесы?

— Да, стал писать пьесы по мотивам различных сказок. И сам же их ставил. К тому времени русская труппа театра, объединившись с грузинской, стала двуязычной и, порой, приходилось писать и ставить как на русском, так и на грузинском языках. Этот вид литературного творчества подтолкнул к опытам художественных переводов грузинской поэзии на русский язык. Когда в республике начались активные реформы и театральный университет перешёл на Болонскую систему высшего образования, где предусмотрен возрастной ценз, моя академическая карьера благополучно завершилась.

— Это карьера преподавателя, а в театре ведь нет возрастного ценза...

— До театров тоже дошли требования перевести на пенсию тех, кто достиг определенного возраста. А я уже несколько лет, как достиг. И, вышел на пенсию, уступив дорогу более молодым коллегам. Зато плотно занялся переводческой деятельностью, а впоследствии и редактированием как поэтических, так и прозаических художественных текстов. Возникло желание вступить в творческие союзы и объединения, чтобы иметь возможность общаться с близкими мне духом людьми.

— Чем занимаетесь сейчас?

— В данный момент с энтузиазмом занимаюсь редактированием и корректурой художественных текстов и переводами. Меня изумляет и вдохновляет возможность общения с творческими личностями разных стран и континентов, чему в большой мере способствует мое сотрудничество с Союзом писателей Северной Америки.

— Есть ли у вас мечта?

— Мечтаю послать свои пьесы для detta на какой-либо конкурс и даже, если получится, издать их отдельным сборником.

Профessor A. Lobov со своими студентами

